

Роберт Бернс

Джон Ячменное Зерно

Роберт Бернс

Джон Ячменное Зерно

«Public Domain»

Бернс Р.

Джон Ячменное Зерно / Р. Бернс — «Public Domain»,

«Джон Ячменное Зерно» - сборник шотландского поэта, фольклориста, автора многочисленных стихотворений и поэм Р. Бернса (1759 – 1796). *** В нем собраны стихотворные произведения автора, среди которых «Песнь бедняка», «Прежде всего» и известная баллада «Джон Ячменное Зерно», в основе которой лежат народные поверья о веселых духах. Эта бунтарская жизнерадостность шотландского фольклора в первом русском переводе сменилась на русскую былинку «Иван Ерофеич Хлебное-зернышко». Шотландский крестьянин превратился в русского мужика, а короли стали «царями». Причем «бусурманскими», чужими. Эти и другие изменения придали балладе иной национальный колорит. Перу Бернса принадлежат стихотворения, а также произведения: «Веселые нищие», «Тем О'Шентер» и др.

Содержание

Джон ячменное зерно	5
Иван Ерофеич Хлебное-зернышко	7
Злая судьба	9
К полевой мыши, разоренной моим плугом	10
К срезанной плугом маргаритке	12
«Джон Андерсон, сердечный друг!»	14
Песнь бедняка	16

Роберт Бернс ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО (сборник)

Джон ячменное зерно

Когда-то сильных три царя
Царили заодно —
И порешили: сгинь ты, Джон
Ячменное Зерно!

Могилу вырыли сохой,
И был засыпан он
Сырой землею, и цари
Решили: сгинул Джон!

Пришла весна, тепла, ясна,
Снега с полей сошли.
Вдруг Джон Ячменное Зерно
Выходит из земли.

И стал он полон, бодр и свеж
С приходом летних дней;
Вся в острых иглах голова —
И тронуть не посмей!

Но осень томная идет...
И начал Джон хиреть,
И головой поник — совсем
Собрался умереть.

Слабей, желтее с каждым днем,
Все ниже гнется он...
И поднялись его враги...
«Теперь-то наш ты, Джон!»

Они пришли к нему с косой,
Снесли беднягу с ног
И привязали на возу,
Чтоб двинуться не мог.

На землю бросивши потом,
Жестоко стали бить;
Взметнули кверху высоко —
Хотели закружить.

Тут в яму он попал с водой
И угодил на дно...
«Попробуй, выплыви-ка, Джон
Ячменное Зерно!»

Нет, мало! взяли из воды
И, на пол положи,
Возили так, что в нем едва
Держалась душа.

В жестоком пламени сожгли
И мозг его костей;
А сердце мельник раздавил
Меж двух своих камней.

Кровь сердца Джоновы враги,
Пируя, стали пить,
И с кружки начало в сердцах
Ключом веселье бить.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
Ты чудо-молодец!
Погиб ты сам, но кровь твоя —
Улада для сердец.

Как раз заснет змея-печаль,
Все будет трын-трава...
Отрет слезу свою бедняк,
Пойдет плясать вдова.

Гласите хором: «Пусть вовек
Не сохнет в кружках дно,
И век поит нас кровью Джон
Ячменное Зерно!»

Иван Ерофеич Хлебное-зернышко Баллада

Были три царя на Востоке,
Три царя сильных и великих;
Поклялись они, бусурманы,
Известь Ивана Ерофеича Хлебное-зернышко.

И вырыли они глубокую борозду, да и бросили его в нее,
И навалили земли на его головушку;
И клялись они, бусурманы,
Что извели Ивана Ерофеича Хлебное-зернышко.

Но как скоро пришла светлая веснушка,
И полились теплые дождики,
Иван Ерофеич Хлебное-зернышко встал из могилы
К великому страху нехристей.

А когда засветило летнее солнышко,
Он возмужал, стал толсти силен,
И голова его вооружилась острыми копьями,
Так, что он никого не боялся.

Но послали осенью цари бусурманские злую колдунью,
От колдовства которой он поблек и пожелтел:
Его подкосившиеся коленки, его поникшая головка,
Показывали, что пришел ему конец.

Цвет его исчезал боле и боле,
Стал он, родимый, хил и стар:
Тогда-то враги его, бусурманы,
Напали на него с бешенством.

Взяли они, окаянные, меч кривой и острый,
И подрезали ему колени,
И, связав накрепко, бросили в телегу
Как вора или разбойника.

Положили его на спину,
И давай колотить дубинами,
А потом еще повесили его, беднягу,
И ворочали во все стороны.

Наконец налили большую кадку
Водою полно-полнехонько,
И бросили туда Ивана Ерофеича Хлебное-зернышко:

Пусть его утонет, сгинет, пропадет!

Но нет, раздумали: вынули его из воды,
И положили на доске, чтоб еще помучать:
Как вот он опять оживает!
Они начали его таскать и трясти,

Да жарить на огне, чтоб весь мозг
Иссушить в костях его.
Но один мельник более всех их сделал ему худа:
Он ему все косточки измял, изломал, меж двух камней.

Тогда выжали они кровь из его сердца,
И начали все пить кровь его:
И чем более пили его кровь,
Тем веселее становились.

Потому что Иван Ерофеич был славный богатырь,
И рыцарь хоть куда!
И тот, кто вкусит его крови,
Мигом делается сам храбрецом!

Кровь его заставляет забыть все горе,
И радость будит в сердце:
От нее и вдова станет смеяться,
Хоть бы у ней были слезы на глазах.

Да здравствует Иван Ерофеич!
Наполним в честь ему стаканы,
И пожелаем, чтобы его потомство
Всегда жило и здравствовало в Шотландии.

Злая судьба

Под знойным вихрем злой судьбы
Мой свежий лист опал;
Под знойным вихрем злой судьбы
Мой свежий лист опал!

Мой стан был прям, побег могуч,
Мой цвет благоухал;
В росе ночей, в блистаньи дня
Я бодро возрастал.

Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвет мой оборвал;
Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвет мой оборвал!

К полевой мыши, разоренной моим плугом

(В ноябре 1785)

Трусливый серенький зверек!
Велик же твой испуг: ты ног
Не слышишь, бедный, под собой.
Поменьше трусь!
Ведь я не зол – я за тобой
Не погонюсь.

Увы! с природой наша связь
Давно навек разорвалась...
Беги, зверек, хоть я, как ты,
Жилец земли
Убогий: сам терплю беды,
Умру в пыли.

Воришка ты; но как же быть?
Чем стал бы ты, бедняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебе в запас,
Когда такая благодать
В полях у нас?

Твой бедный домик разорен;
Почти с землей сровнялся он...
И не найдешь ты в поле мхов
На новый дом;
А ветер, грозен и суров,
Шумит кругом.

Ты видел – блекнули поля,
И зимних дней ждала земля;
Ты думал: «Будет мне тепло,
Привольно тут».
И что же? плуг мой нанесло
На твой приют.

А скольких стоило хлопот
Сложить из дерна этот свод!
Пропало все – и труд и кров;
Нигде вокруг
Приюта нет от холодов,
От белых вьюг.

Но не с тобой одним, зверек,
Такие шутки шутит рок!

Неверен здесь ничей расчет:
Спокойно ждем
Мы счастья, а судьба несет
Невзгону в дом.

И доля горестней моя:
Вся в настоящем жизнь твоя;
А мне и в прошлом вспоминать
Ряд темных лет
И с содроганьем ожидать
Грядущих бед!

К срезанной плугом маргаритке

(В апреле 1786)

Цветок смиренный полевой!
Не в добрый час ты встречен мной:
Как вел я плуг, твой стебелек
Был на пути.
Краса долины! я не мог
Тебя спасти.

Не будешь пташки ты живой,
Своей соседки молодой,
Поутру, только дрогнет тень,
В расе качать,
Когда она румяный день
Летит встречать.

Был ветер северный жесток,
Когда впервые твой росток
Родную почву пробивал;
В налете гроз
Ты почку раннюю склонял,
Под бурей взрос.

От непогод цветам садов
Защитой стены, тень дерев.
Случайной кочкой был храним
Твой стебелек;
В нагих полях ты взрос незрим
И одинок.

Ты скромно в зелени мелькал
Головкой снежною; ты ждал
Привета солнышка, – и вдруг
Во цвете сил
Тебя настиг мой острый плуг —
И погубил.

Таков удел цветка села —
Невинной девушки: светла
Душой доверчивой, живет
Не чуя бед;
Но злоба срежет и сомнет
Прекрасный цвет.

Таков удел певца полей:
Среди обманчивых зыбей

По морю жизни он ведет
Свой хрупкий челн,
Пока под бурей не падет
Добычей волн.

Таков удел в борьбе с нуждой
Всех добрых: гордостью людской
И злом на смерть осуждены,
Они несут —
Одних небес не лишены —
Кровавый труд.

Над маргариткой плачу я...
Но это доля и моя!
Плуг смерти надо мной пройдет

И в цвете лет

Меня подрежет — и затрет
Мой слабый след.

«Джон Андерсон, сердечный друг!»

Джон Андерсон, сердечный друг!
Как я сошлась с тобой,
Был гладок лоб твой и как смоль
Был черен волос твой.
Теперь морщины по лицу
И снег житейских вьюг
В твоих кудрях; но – бог храни
Тебя, сердечный друг!

Джон Андерсон, сердечный друг!
Мы вместе в гору шли,
И сколько мы счастливых дней
Друг с другом провели!
Теперь нам под гору плестись;
Но мы рука с рукой
Пойдем – и вместе под горой
Заснем, сердечный мой!

Прежде всего
Бедняк – будь честен и трудись,
Трудись прежде всего!
Холопа встретишь – отвернись
С презреньем от него!

Прежде всего, прежде всего
Пред знатым не бледней —
Ведь знатность штемпель у гиней
И больше ничего!
Пусть черствый хлеб весь твой обед,
Из поскони кафтан;
Другой и в бархат разодет,
А плут прежде всего.

Прежде всего, прежде всего
Ведь титул глупый звон.
Бедняк, будь только честен он,
Король прежде всего!
Вот этот барин – знатный лорд,
Да что нам из того,
Что он своим богатством горд,
А глуп прежде всего!

Прежде всего, прежде всего
Для нас, детей труда,
Его и лента и звезда

Смешны прежде всего!
Холопа в графы произвести
Не стоит ничего:
Но честным сделать, — царь, — как есть, —
Не может никого!

Прежде всего, прежде всего
Да будут все честны:
Честь наша — высшие чины
И ум прежде всего!
Молитесь все, чтоб Бог послал
Нам Царствие Его.
Чтоб честный труд на свете стал
Почетнее всего!

Прежде всего, прежде всего
Отныне и вовек,
Чтоб человеку человек
Был брат прежде всего!..

Песнь бедняка

Чем живу я – и сам не пойму;
Никому не обязан зато.
Я помочь не могу никому,
Да и мне не поможет никто.

К сердцу крепко подругу прижму,
И она меня любит зато.
Не ревную ее ни к кому, —
И ко мне не ревнует никто.

Шапки я лишний раз не сниму,
Но и мне не снимают зато;
Не подставляю ноги никому,
Ну и мне не подставит никто.

Дела нет до меня никому —
До других мне нет дела зато.
Мог бы плакать, роптать... Да к чему?
И при мне не ропщи уж никто!

Роберт Бернс